

Как заметил исследователь региональной литературы В.В. Абашев, «только в художественных произведениях город и местность могут обрести собственный голос и, самое главное, проявить свое существование для общего культурного сознания». Именно так в историческом романе Сергея Константиновича Данилова «Барнаул-517» наш город обретает свое лицо, почти стертые железобетонным новостроем, и свой голос, едва слышный в революционно-перестроечном новоязе улиц и площадей.

Главным событием романа Данилова стал пожар 2 мая 1917 года, уничтоживший центральную и лучшую часть Барнаула, когда «уже был подписан указ о создании Алтайской губернии с центром в городе Барнауле». При этом автор не просто создал художественную реконструкцию реальной ситуации, а на осно-

вании изучения архивных материалов, опроса старожилов предложил новую версию этого события не как стихийного бедствия, а как планомерно организованной диверсии революционных сил. В качестве альтернативы официальной истории происшествия роман открывает перспективу дальнейших краеведческих изысканий.

Топография исторической части города представлена автором досконально. Во-первых, в названиях улиц от левобережья Оби до Прудских переулков (в районе ул. Ядринцева), от Московского тракта (пр. Ленина) до Соборной площади (пл. Свободы) и Нагорного кладбища. Список городских топонимов повторяется трижды, увеличиваясь с каждым разом. В начале романа это улицы в районе Нового рынка, на которых мы знакомимся с героями. В средней части, в сцене обсуждения заговорщика-диверсантами плана сожжения города топонимика развернута особенно полно и последовательно на карте, составленной когда-то инженером-устроителем и бывшим головой Барнаула Адольфом Лесневским. Наконец в финале автор предлагает читателю вместе с героями наблюдать с высоты Нагорного кладбища страшную картину пожара, называя одну за другой улицы, пожираемые огнем: Льва Толстого, Петропавловскую, Пушкина, Гоголя, Томскую, Бийскую, Павловскую, Сузунскую, Бердскую, Полковую-Коряковскую...

Так же полно и точно автор восстанавливает городскую инфраструктуру: какой она была накануне катастрофы и что от нее осталось после пожара. Сгорели здания городской администрации, милиции, казначейство, дома, заводы, фабрики, телефонная и электростанции, вокзал и депо, образовательные учреждения, гостиницы, типографии, приюты для детей — то есть все то, что создавало статус цивилизованного города в сибирской провинции России.

Много места в романе отведено отдельным, наиболее замечательным зданиям допожарного Барнаула, а также начавшемуся в городе благоустройству улиц: «здание Барнаульской казенной женской гимназии двухпалубным кораблем вознеслось на пересечении улицы Пушкинской и Соборного переулка», в «Пассаже Смирнова» на Московском проспекте открылся электро-театр

«Триумф» при наличии зала более чем на триста мест», «город, зазеленевший прямыми линиями улиц, облагороженных трудами жителей», «Московский проспект сиренью цветет! Картина Левитана!».

Исторический образ города полнокровно воссоздают описания домоустройства и домашнего быта разных городских сословий. При этом речь повествователя интонирует от восторженно-патриотического (де, мы, сибирские, заткнем за пояс европейцев) до трогательно-сочувственного в отношении к мещанскому домострою. «Проект усадьбы купца Федулова с архитектором сочинили славный: двухэтажный особняк с башенками, светелками, цокольным полуподвалом для кухни и под хозяйственные нужды, балконом на фасаде, электростанцией, водяным отоплением от собственной скважины, все как полагается, не хуже прочих. ... Двор застелили натуральным камнем, оформили беседки, фонари, дорожки, цветочные клумбы... На заднем дворе конюшня, мастерская, гараж для автомобиля ... большой двор, напоминавший размерами и мощением природным камнем центральную площадь среднего европейского городка... Не двор — римская площадь. Размах наш, сибирский!» Столь подробная (есть что показать!) и эмоционально модулированная презентация в сущности небольшого провинциального города (60 тысяч жителей) призвана представить пожар как цивилизационную катастрофу общероссийского масштаба: «сообщения о ней попали не только в заголовки центральных российских газет, но и на страницы европейской прессы».

В романной географии Барнаула три знаковых места. Главные события происходят в районе Московского тракта. В начале его от Оби — дом-усадьба купца Полякова со всеми его фабрично-заводскими и торговыми постройками выступает как пример и урок процветающей экономики города, а также новых принципов производственных отношений на основе социальной гармонии между хозяевами и рабочими. В конце Московского тракта, «где от проспекта остается одно лишь название», — дом-усадьба купца Петра Федулова — символ будущего передового градостроительства. Знаковым местом развития побочной линии сюжета служат знаменитые Прудские переулки, густо заселенные

крестьянско-мещанской беднотой, олицетворяющей стойкость, трудолюбие, сплоченность горожан в смутные времена Первой мировой войны и революции. Центральным же местом развернутой в романе «пожарной» интриги является Дунькина роща (на месте нынешнего Политехнического университета) и располагавшийся в ней «дом терпимости, который после их закрытия переделали в гостиницу для немецких офицеров, называться стали Театральной гостиницей, но порядки остались прежние» — «настоящий венский бордель во глубине сибирской Азии!» Именно он становится штабом большевистского «пожарного» заговора. Аморальные принципы этого места выражают отношение автора к материальному содержанию, методам и духу революционной борьбы.

Главными героями романа С. Данилова являются реальные лица — наиболее известные в истории Барнаула представители различных городских сословий и политических партий.

Геополитическая доминанта романа определяет иерархии и расстановку персонажей в соответствии с идейной позицией автора. В отношении к событиям 1917 года С. Данилов выступает патриотом Барнаула, а именно: Барнаула русского, купеческого, крестьянско-мещанского, развивающегося в ходе естественной эволюции, цивилизованно, в направлении к западному прогрессу, оставаясь при этом верным традиционной русской православной культуре. В соответствии с этой позицией верхнюю ступень иерархической лестницы занимают известные богатейшие на то время купцы города. Из большого купеческого сословия автор выбрал 5-6 фигур, имена которых, как сказали бы сейчас, стали базовыми брендами Барнаула: хозяйка великой Оби, владелица Барнаульского пароходства Евдокия Ивановна Мельникова с сыновьями, братья Иван и Петр Федуловы — мукомольное и лесопильное производство, Иван Иванович Поляков — знаменитые в России шубы-«барнаулки» и сибирские валенки, братья Ворсины — винокуренное и пивоваренное производство и другие. Одни из них только упомянуты, другие — Федуловы, Поляков, Вершинин — главные герои. Исповедуя разные политические взгляды, все они составляют партию, противостоящую большевикам. Самой значительной, почти легендарной фигурой в этой

персонажной группе является Василий Михайлович Вершинин, образ которого вписывает провинциальный город в общероссийское пространство, прямо связывая Барнаул со столицей. По принципу «кто владеет информацией, тот владеет властью» — Вершинин издавал газеты, электрифицированную типографию в Барнауле создал, «какой и в Питере не сыщешь», стал комиссаром Временного Комитета Госдумы и Временного правительства. А легендарный мотив состоит в том, что он — «внук простого русского крестьянина из Вятской губернии царскую семью конвоировал из Могилева в Царское село. Лично состоял при них сопровождающим, с комиссарскими полномочиями при побеге расстрелять. ... Сограждане! Наш город наконец-то дал России истинного государственного мужа высшего ранга!»

Чиновничье сословие города возглавляет в романе Порфирий Алексеевич Казанский, в реальной истории — томский поэт, публицист, приглашенный в редколлегия газеты «Жизнь Алтая» Г. Гребенчиковым, упомянутым добрым словом в романе. Казанский изображается в момент его избрания представителем Народного собрания Барнаула, главой Комитета общественного порядка. В этой-то своей миссии он и должен был, осведомленный о грозящей опасности городу, принять срочные и жесткие противопожарные меры. Но представленный совершенно заурядным, нерешительным человеком в положении компромисса между либералами и большевиками, он стал, по версии автора, одним из виновников катастрофы.

В изображении представителей противоположного лагеря Данилов деликатно обходит реальных вождей революционного движения на Алтае, память о которых запечатлена в многочисленных топонимах края. Упомянул И. В. Присягина как давнего сотрудника Ленина, учившегося в партийной школе Лонжюмо, Е. М. Мамонтова, А. М. Огорокова, большевистские комитеты во главе с П. Н. Милюковым и Д. Г. Сулимом, которые, по версии Данилова, «определенно знали о заговоре, потому и увели из города свои роты». Упомянут и «старый большевик» Осип Юдалевич. А центральной фигурой барнаульской РСДРП в романе является Дунька с Волчьей Гривы. В развертывающейся по ходу романа серии превращений, разоблачений, откровений

барнаульская проститутка оказывается связанной с событиями и лицами не только местного, но и государственного масштаба: «Революционерка-большевичка Дунька числилась в агентурных донесениях преступницей широчайшего профиля как Инесса Клаузевиц, она же Капризуля, она же дочь малороссийского купца Роза Кауфман, агент ленинской «Искры», она же ныне комиссар германско-австрийского диверсионного подполья в Барнауле и одновременно начальник отдела культурно-просветительской работы в городском Совете солдатских и рабочих депутатов». Все пороки, сосредоточенные в характере и судьбе героини и пущенные в ход во имя благородного дела, спроецированы автором на вождей революционного движения в России: идейный фанатизм, авантюризм, продажность, сводничество, шантаж, грабеж, убийство. Ленин продается, подобно Дуньке, немцам за капитуляцию России в Первой мировой, его сподвижник Красин сводничает, пристраивая партийных шлюх к «приваловским миллионам», как пристроил он нашу Дуньку к достойнейшему барнаульскому купцу Петру Федулову в бытность его петербургским студентом, и т.д. Таким способом автором создается собирательный образ большевиков, выражающий крайне негативную оценку большевистского пути революционного обновления России.

Наконец, самую нижнюю ступень иерархии персонажей в романе занимают немцы. Прежде всего автор предъявляет неоплаченный, по его мнению, счет немцам, сыгравшим важную роль в истории Алтая. Во-первых, припомнил присвоение Колывано-Воскресенских заводов русского купца Акинфия Демидова Царским Кабинетом, отдавшим весь Горный округ в распоряжение «немчуры». Не забыл и историю изобретения производства особого качества стекла Ползуновым, присвоенного пастором Немецкой слободы Лаксманом. Немцы в Барнауле начала XX века, независимо от ранга, обрисованы в модусе фарса, балагана, анекдота. Так, офицер российского Морского генерального штаба Базиль Альтфатер, служивший царю, Керенскому, вражеской Германии, после революции большевикам в чине адмирала морского флота России, представлен в романе в образе балаганного шута: пролетая на германском моноплане из столицы в Барнаул с миссией проверить готовность проведения операции «Б-517»,

он снижается над горой, и сторож Нагорного кладбища простреливает ему мошонку; с этим прострелом он и далее попадает в нелепые положения. Не пощадил С. Данилов и уважаемого барнаульцами попечителя народного образования немца Константина Васильевича Штильке, представленного в романе хитрым плутом Штилькой и тайным масоном, воспитавшим «в духе немецкого масонства» государственного мужа Вершинина. Много места в действии романа занимают военнопленные немцы, размещенные близ Дунькиной рощи, ведут себя в городе нагло, дуют пиво, грозят реваншем и планами «создания на территории обезлюдевшей в войне России немецких республик в Крыму, на Волге и здесь, на Алтае». Завербованные в партию большевиков, именно они поджигают город.

Сама пожарная акция описывается в духе приключенческой комедии: Дунька «беспартошная» верховодит командой из военнопленных немцев, уничтожающих город зажигательными «стеклянными шариками» с конных фейер-экипажей; орава ребятишек расправляется с поджигателями, заблудившимися в Прудских переулках, и т. д. Но не более ли анекдотична официальная версия пожара, оставившего без крова более двадцати тысяч жителей: «признано неосторожное обращение с огнем начальника пожарной части города при смолении им лодки у себя во дворе».

В целом же персонажи — как реальные, так и вымышленные, — данные в развернутых характеристиках внешнего облика, манеры речи, положения в обществе, жизненного пути, воскрешают, одушевляют историю Барнаула, что, собственно, и должно быть задачей художественного краеведения.

Беллетризация исторического материала осуществляется в лейтмотивах, организующих движение и смысловое наполнение сюжета. *Детективный* мотив придает действию динамику и остроту в связи с авторской версией тайного заговора в истории пожара. Центральный *пожарный* мотив традиционно в художественной литературе несет высокую семантическую нагрузку. В романе Данилова стихийное бедствие приобретает метафорическое значение революционного акта как «пожар революции». А поскольку, по идее автора, пожар задуман и осуществлен

как провокация большевиков для захвата и утверждения власти Советов, то Барнаул за полгода до штурма Зимнего дворца оказывается первым советским городом в России.

Не случайно С. Данилов прибегает *масонский* мотив к финалу, где наряду с разоблачением Вершинина как члена тайной ложи Великого Востока народов России он приводит длинный список государственных и партийных мужей самого высокого ранга, состоящих в этой масонской ложе, таких как Керенский, Чхеидзе, Богданов, Гальперин. В таком освещении речь идет уже о мировом заговоре и о раздуваемом в Барнауле мировом пожаре. Естественным развитием этой символики является *апокалипсический* мотив, в семантике которого описывается картина городского пожара. Наконец, *карнавальная* стихия бесконечных превращений, переодеваний, переименований как нельзя точно передает дух времени, что в художественной истории важнее исторической правды. В то же время региональная геополитика романа проецируется на судьбу современной России.

Воскрешенная, одушевленная в городских образах и лицах история Барнаула имеет важное значение в территориальной самоидентификации его жителей, помогая ценностно осмыслить место своего обитания.

Поэтому, несмотря на эстетическое несовершенство романа (идеологическая риторика бесконечных монологов, вялое развитие сюжета, лишь к финалу набирающего энергию и остроту детективной интриги, ничем не прикрытая *deutsche-фобия*), произведение С. К. Данилова «Барнаул-517» — значительное событие культуры Алтая.